

Улица братьев Ясковцов

Мартовским утром 1923 года на главной площади полесского местечка Калинковичи, недавно переименованной из Церковной в Первомайскую, местные жители провожали квартировавший у них 38-й Ставропольский полк 7-й Самарской имени Английского пролетариата кавалерийской дивизии. С высокой пожарной каланчи свисал, волнуемый ветром, огромный красочный транспарант. На нем был изображен красный кавалерист, молодецки рубивший змеиные головы гидре мирового капитализма, а внизу шла надпись: «Мир хижинам, война дворцам»! На деревянной трибуне, украшенной кумачом и портретами великих революционеров Маркса, Ленина и Троцкого, было представлено местное начальство, а также командир полка Н.М. Дронов и командир 2-го сабельного эскадрона Г.К. Жуков. Сто пятьдесят его бойцов, прибывшие из расположенной в 6 верстах деревни Сырод, выстроились тремя линиями позади трибуны. Другие эскадроны, пулеметная команда и обоз уже погрузились в стоявшие на станции Калинковичи эшелоны для следования в летние лагеря под Минском. Стоя у края трибуны, молодой, стройный комэск с орденом Красного Знамени на груди заполнял своим звучным голосом все пространство запруженной сотнями людей площади.

- Трудовой народ, разорвав могучими мозолистыми руками сковывавшие его цепи самодержавия, разгромил белогвардейцев и наемников Антанты, и строит теперь светлое будущее, где больше не будет место эксплуатации и угнетению. Будьте уверены, Красная

армия надежно оберегает ваш мирный труд и всегда готова прийти на помощь пролетариату других стран. Да здравствует мировая революция!

Оркестр грянул «Интернационал», и под раскатистое «Ура!» командиры, сойдя с трибуны, вскочили на поданных им ординарцами коней. Раздались четкие слова команды, взводы перестроились в походную колонну и, звонко цокая подковами по булыжной мостовой, двинулись на станцию. Спустя много лет прославленный маршал, четырежды Герой Советского Союза Г.К. Жуков в своих мемуарах вернется памятью в те дни, посвятив им несколько строк. «...Жили мы разбросанно, по деревням, квартировались в крестьянских избах, пищу готовили в походных кухнях, конский состав размещался во дворах. Все мы считали такие условия жизни нормальными, так как страна наша переживала исключительные трудности. В начальствующем составе армии люди были главным образом молодые и физически крепкие, отличавшиеся большой энергией и настойчивостью. К тому же большинство из нас были холостыми и никаких забот, кроме служебных, не знали».

Вместе со всеми кричал и махал вслед кавалеристам рукой, стараясь высмотреть в их рядах «дядю Георгия» сидевший на плече у отца пятилетний Миша Ясковец. Объездчик 2-й части Калининковского лесничества Адам Андреевич Ясковец, на территории которого располагался Сырод, не раз, решив с командиром эскадрона какой-либо вопрос с дровами или сенокосом, приглашал его к себе домой, перекусить «чем Бог послал». На стол подавала его дочь, красавица Мария, и видно было, что бравый кавалерист не очень спешит покинуть гостеприимных хозяев. Сегодня утром он заскочил на их калинковичское подворье проститься, подарил леснику хорошую карту - «двухверстку», детям – карандаши и тетради, а младшего Мишу посадил на своего боевого коня и дал подержать шашку в ножнах.

- А что Адам, хороший будет из него кавалерист? Хотя нет, пусть лучше станет летчиком!

Многие калинковичские девчата грустили в этот солнечный мартовский день. Больше их горевали, наверное, только фотограф Лазник, да парикмахер Бухман – таких клиентов лишились!

Большая семья Ясковцов ютилась в небольшой старой избе на южной окраине местечка, построенной почти век назад. На длинной, с версту, улице было 144 домохозяйства – Дробницы, Дорошки,

Шараи, Зайчики, Кушнеры и другие – почти все друг другу родня и свояки. Ясковцов больше всех – 19 семей, считай, каждая седьмая. Из них самая многочисленная – у Адама Андреевича и его жены Евдокии Дмитриевны. Старший сын Михаил, 1893 года рождения, был призван на царскую службу накануне 1-й мировой войны и погиб на фронте. Иван, 1898 года рождения, записался добровольцем в экипаж находившегося тогда на калинковичской железнодорожной станции бронепоезда «красных», а затем работал железнодорожником в Житомире. Дочки Ксения 1900 года рождения и Анастасия, моложе ее на год, вышли замуж за железнодорожников и тоже уехали на Украину. Уже после проводов кавалерийского полка девятнадцатилетняя Мария вышла замуж за железнодорожника из Жлобина. В семье остались еще семнадцатилетний Андрей, пятнадцатилетняя Ольга, тринадцатилетняя Анна, десятилетний Владимир, семилетняя Валентина и самый младший, пятилетний Михаил, названный в честь погибшего старшего брата.

Власть уверяла, что новая экономическая политика, возродившая отмененные после революции рыночные отношения – «это всерьез и надолго». На небольшое жалованье прокормить семью было непросто, и Адам Андреевич, уволившись из лесничества, начал заниматься своим крестьянским хозяйством. Имея 4 десятины пашни, 1,3 десятины сенокоса, урожай собирали хороший. А еще был он отличным столяром и шорником, обучил этим ремеслам и сына Андрея. Сделанные ими ременная упряжь, сбруя, веретена, маслобойки шли в базарный день нарасхват, поступали заказы из других деревень и даже из Мозыря. Появились кое-какие сбережения, и на семейном совете было решено построить новый дом. Участок под застройку им выделили на краю улицы Советской, что раньше была Почтовая. Иван, выбившийся к тому времени в небольшое железнодорожное начальство, прислал из Житомира денег, чем-то помогли и родственники. В 1925 году на участок завезли строевой лес, бревнышко к бревнышку, устроили каменный фундамент. С весны следующего года, после полевых работ, вся семья и нанятая бригада плотников ежедневно работали на постройке дома. Уже летом он был готов: просторный, с двумя коридорами, кухней и пятью жилыми комнатами, под высокой железной кровлей. Таких красивых и уютных домов, с надворными хозяйственными постройками, немного было тогда в Калинковичах. В старой избе остался жить Андрей, который к тому времени женился и устроился

на работу в калинковичский военный городок. В 1926 году Ольга Ясковец вышла замуж за офицера и уехала с ним на новое место службы в Сибирь.

1 сентября 1927 года Миша Ясковец пошел в первый класс калинковичской начальной школы. Вечерами вся семья обычно собиралась в самой большой комнате. При свете керосиновой лампы мать и сестры пряли куделю, отец, задумчиво теребя бороду, высчитывал в тетради сельхозналог, а шестиклассник Володя читал им вслух принесенную из библиотеки при «Нардоме» книжку Якуба Коласа «Новая зямля».

*...Паміж дзвюх лаў пад абразамі
Туліўся стол з двума кастрамі
Аладак грэцкіх, як пампушак
Ды хлеба з зайчыка краюшак.
Семейка, праўда, немалая:
Чатыры хлопцы, тры дзяўчаці
Ды бацька з маці, трэціця маці;
І кожны месца свае знае.*

- Это что, про нас написано? – под общий смех спрашивает маленький Миша. И откуда же было знать этим трудягам, что в далекой Москве коммунистическое руководство уже решило провести в стране «великий перелом» коллективизации сельского хозяйства, что в буквальном смысле ломает миллионы человеческих судеб...

В 1929 году в Калинковичах создали колхоз «Красный пахарь». В него записалось 67 семей, из числа батраков и бедняков, которым сдавать в общее хозяйство было особо нечего. Остальные 77, более крепко стоявшие на ногах, и Ясковцы в их числе, предпочли остаться единоличниками. Но вскоре принесли в эти дворы бумагу о наложении на них «твердого задания», да такого, что хоть надорвись, не выполнишь. А за несдачу в срок определенного количества хлеба, мяса, шерсти, сена, картофеля, неуплату денежного налога – 5 лет исправительно-трудовых лагерей. Ряды «Красного пахаря» тут же сильно пополнились, но Адам Ясковец и еще 11 хозяев, работая до кровавого пота, пока держались. Как-то осенью заглянул к ним в гости сосед-колхозник, повел невеселый разговор.

- Обещало начальство в колхозе жизнь богатую, трактор за тебя в поле будет пахать. Вот выполнили госпоставку, начали делить оставшийся урожай – оказывается, ничего я не заработал, еще и

остался должен 40 рублей. Семья голая и голодная, без копейки денег, прямо хоть на улицу не выходи, чтобы единоличники не засмеяли...

Тем же впору было не смеяться, а плакать. 28 декабря 1929 года было принято совместное решение Калининковского райисполкома и Калининковского горсовета «О муниципализации жилфонда враждебного элемента». Под № 45 в нем значилось: «Жилой дом размером 16x14 аршин Ясковца Адама Андреевича. Кулак, обложен индивидуальным налогом. Райисполком и горсовет считают целесообразным вышеназванный дом с надворными постройками муниципализировать». Ранним утром 12 февраля 1930 года к ним во двор явилась реквизиционная комиссия: представитель горисполкома, два милиционера с винтовками и несколько «активистов». Старший, человек давно им знакомый, отводя в сторону глаза, объявил постановление о конфискации дома и всего хозяйства. Дали два часа на сборы, начали составлять протокол.

- Конь саврасый, четырехлетка, кличка “Сокол”, стоимостью в 80 рублей; корова пегая, старая, кличка “Милка”, 40 рублей; один воз, 25 рублей, одни сани, 3 рубля; две упряжи, 20 рублей; один плуг, 3 рубля; 1 борона, 3 рубля; одно колесо от воза, 50 копеек...

Тем временем заголосили женщины во дворе через дорогу, у родственника, Адама Васильевича Ясковца, и дальше по улице – у Якова Терешковца, Ефима Дробницы, Николая Ленкевича и других. В этот день “раскулачили” все 12 семей калинковичских «твердозаданцев», их имущество передали в колхоз. Из хранящихся в архиве документов видно, что под понятие «кулак» из них подходили, разве только двое (владели крупорушкой и мельницей с наемными рабочими), прочие же были трудовые «середняки», жившие исключительно своим трудом. Это была явная расправа за отказ вступить в колхоз.

Ясковцы опять перебрались в древнюю избу-развалюху, потеснив молодую семью Андрея. Написали письмо о своей горе старшему сыну Ивану, который работал тогда начальником отдела Жмеринского отделения Юго-Западной железной дороги, был членом ВКП(б). Тот быстро приехал, ходил разбираться в райком и горисполком, но вернулся понурый.

- Даже разговаривать не хотят, надо ехать в Минск, в приемную ЦИК БССР...

И пробился-таки к самому главе белорусского правительства, А.Г. Червякову, рассказал ему о допущенной несправедливости в отношении его родителей. Спустя несколько месяцев Адама Андреевича вызвали в горисполком и сообщили, что «раскулачивание» его семьи признано незаконным, они восстановлены во всех правах. Дом и имущество, однако, не вернули, опять предложили вступить в колхоз. Однако старик предпочел устроится столяром в Калинковичский лесхоз, где и работал до своей смерти в 1940 году.

Младшие дети подрастали и разлетались в разные стороны, как птицы из разоренного гнезда. Первым, в том же 1930, году завербовался и уехал в Хабаровский край Владимир. Отслужив в Красной армии и закончив техникум, он работал перед войной главным бухгалтером леспромхоза. В 1933 году уехала Валентина, вышедшая замуж за железнодорожника со станции Ельск. Анна осталась в Калинковичах, работала на маслозаводе. Михаил, закончив в 1934 году калинковичскую «семилетку», поступил в Гомельский педагогический техникум. Закончив его, некоторое время работал преподавателем и заведующим сельской школы. В 1939 году молодого учителя призвали на военную службу, направили в 1-ю отдельную бригаду морской пехоты Балтийского флота.

Весной 1941 года его, как отличника боевой подготовки, вызвали в штаб и предложили поступать в недавно созданное в городе Николаеве военно-морское авиационное училище имени Леваневского. Михаил с радостью согласился, помнились слова «дяди Георгия», сказанные когда-то на проводах Ставропольского полка. Успешно сдав в Ленинграде вступительные экзамены, он был принят на штурманский факультет и вместе с другими будущими военными летчиками отправился в далекий Николаев. Пассажирский поезд «Ленинград-Одесса» сделал короткую остановку на железнодорожной станции Калинковичи. Выйдя из вагона, моряк окинул взглядом памятное с детства деревянное здание вокзала, шелестевшие молодой листвой высокие тополя и клены. На запруженном людской толпой перроне нашел только одного знакомого, жившего по соседству с Ясковцами железнодорожника Алексея Бадея. Тот, в форменной фуражке с красным верхом, подавал сигналы в станционный колокол, объявляя о прибытии поездов и посадке пассажиров на отправляющиеся со станции. Поздоровались, коротко обменялись своими новостями. Юноша попросил Алексея

передать матери и сестре, что едет в военное училище, скоро придет им письмо из Николаева, а зимой, наверное, и на побывку придет. Не знали они оба, как и миллионы других советских людей, что Гитлер в Берлине подписал зловещий план «Барбаросса» и к границам СССР уже стягиваются вооруженные до зубов орды захватчиков...

Вместе с другими первокурсниками Михаил ожидал начало занятий в летнем лагере училища на берегу Черного моря. Воскресное утро 22 июня года началось как обычно, собирались проводить спортивные состязания. Однако в полдень всех собрали на плацу прослушать выступление наркома Молотова о начале войны с фашистской Германией. Тревога поселилась в душах курсантов, хотя все были уверены в победе над вероломным врагом. Но что же теперь будет с ними, удастся ли стать летчиками? Осенью, когда линия фронта приблизилась к городу, училище было эвакуировано на восток, в Куйбышевскую область. Выгрузились в чистом поле, сами строили землянки, бараки для жилья и занятий.

В 1942 году Михаил вместе с инструктором впервые поднялся в воздух на легком самолетике «У-2», затем на учебном бомбардировщике «Пе-2». Штурман занимает в экипаже центральное место, именно он делает все расчеты, дает команду на ввод в пикирование, сброс бомб и торпед. Точность попадания отрабатывали на специальном полигоне, где нужно было поразить отметку в центре круга диаметром в 20 метров. Свободное время занимала общественная работа, выпуск «боевых листов», оформление наглядных пособий в классах. Как и вся страна, курсанты напряженно следили за беспримерной битвой на советско-германском фронте. И в 1944 году, наконец наступил счастливый для Михаила день, когда по радио прозвучало: «...сегодня, 14 января, войска Белорусского фронта в результате умелого обходного маневра овладели областным центром Белоруссии городом Мозырь и крупным железнодорожным узлом Калинковичи!».

Сразу же написал домой письмо и месяца через два получил ответ. Сестра Анна сообщала, что они с матерью живы и здоровы, но город сильно разрушен, многие их знакомые погибли при бомбежках и во время немецкой оккупации. Их старая изба сгорела, и они живут сейчас в землянке во дворе своего бывшего нового дома. Братья Иван и Андрей на фронте с начала войны, никаких вестей от них не было. Владимир тоже в армии, служит на Дальнем Востоке. Анастасия и

Ксения с детьми в эвакуации, мужа воюют. Ольга умерла перед самой войной от тифа в Сибири. Муж Валентины был в партизанах, а сама она с детьми, так же как и другие жители сожженного фашистами Ельска, пряталась до самого освобождения в лесу.

За месяц до окончания училища Михаил познакомился с членами своего будущего экипажа, двадцатилетним пилотом младшим лейтенантом Андреем Пишкиным из Воронежской области, и девятнадцатилетним стрелком-радистом сержантом Александром Дмитриевым с Алтайского края. 5 июня 1944 года в парадном строю штурманам тоже зачитали приказ об окончании училища и производстве в младшие лейтенанты, а на следующий день все разъехались по местам назначения. Экипаж Михаила был отправлен на Балтийский флот, где шли тогда упорные бои.

Через неделю они были в Ленинграде и получили направление во 2-ю авиаэскадрилью 12-го гвардейского авиаполка ВВС Балтийского флота, который базировался на окраине города. Разместились в деревянном двухэтажном доме рядом с аэродромом, самолеты стояли в специальных бревенчато-земляных укрытиях, защищавших от бомбежки и обстрелов. Экипаж получил новый, только что прибывший с авиазавода в Иркутске бомбардировщик «Пе-2». Боевая машина была хороша: проста в управлении, три пулемета, просторная кабина, правда, частично бронировано лишь сидение пилота.

Командир полка дважды герой Советского Союза полковник В. И. Раков лично проверил их технику пилотирования, остался доволен подготовкой и отправил новый экипаж на запасной аэродром, дал десять дней на изучение района боевых действий, отработку слетанности и бомбометания. Затем была новая проверка, после которой молодые, еще необстрелянные экипажи на общем построении были представлены всему личному составу полка. Замполит, поседевший на службе подполковник Т.Т. Савичев, рассказал, что их 12-й гвардейский бомбардировочно-пикировочный полк бьет фашистов с первого дня войны, отличился при защите Ленинграда.

24 июня 1944 года экипаж «Пе-2» в составе пилота младшего лейтенанта А.М. Пишкина, штурмана младшего лейтенанта М.А. Ясковца и стрелка-радиста сержанта А.Н. Дмитриева вылетел на свое первое боевое задание. Оружейники закрепили на внешней подвеске «пешки» две авиабомбы по 250 и две по 100 килограмм. И вот по всем расчетам эскадрилья уже над целью. Противника среди этих

изрытых воронками перелесков Михаил тогда так и не увидел – только разрывы бомб, сброшенных опытным ведущим, туда же положил и свои. На аэродроме товарищи поздравили их с первым успешным боевым вылетом и рассказали о верной примете: не сбили на первом вылете – жди третьего, потом седьмого, если после него уцелеешь – пролетаешь всю войну.

На втором боевом вылете атаковали скопление немецких войск, на третьем - корабли противника в море. Вот они – цепочка маленьких, словно игрушечных, военных транспортов и танкеров, окруженных эсминцами прикрытия. Эскадрилья заходит на немецкий конвой со стороны солнца, рассредоточиваясь для нанесения удара. Приближающиеся, все увеличивающиеся в размерах вражеские корабли вдруг разом засверкали вспышками зенитного огня, а небо вокруг самолетов стало стремительно покрываться серыми дымовыми комьями разрывов. Михаил, прильнув к окуляру прицела, быстро выбрал цель, большой транспорт, сделал поправку на угол сноса ветром.

- Пошел! – по его команде бомбардировщик сорвался в пикирование, уже не обращая внимания на стену разрывов зенитных снарядов и тянущиеся ему навстречу огненные пулеметные трассы. Бомбы легли удачно, одна из них, пробив палубу, взорвалась в трюме немецкого корабля, переломив его пополам и отправив на дно. Штурман уже стоял за пулеметом, в готовности отразить воздушную атаку противника, когда по самолету ударил град осколков от разорвавшегося недалеко снаряда. Один из них пробил остекление кабины. Михаил почувствовал тупой удар в руку, она заныла и вскоре занемела, рукав кителя быстро пропитался кровью. На аэродроме самостоятельно выбраться из самолета уже не смог, вытащили товарищи. Тут же санитары наложили повязку, затем офицера отвезли в военно-морской госпиталь Ленинграда, где рану обработали, промыли и зашили. Оперировавший врач подарил Михаилу извлеченный из его руки кусочек железа и сказал что ранение не опасное, скоро будет опять летать.

В госпитале младший лейтенант пробыл две недели, несколько раз выходил в город. Собрал и отправил матери посылку: теплый пуховый платок, кофту и большой пакет денег – все свое жалованье за два месяца. Положил туда же письмо и три фотографии: в морской форме, в летнем шлеме и еще одну, где он был сфотографирован вместе с другими ранеными и медсестрами. На счастье, посылка

дошла, хотя в пути следования чья-то недобрая рука вытащила из нее все деньги.

Седьмой боевой вылет экипажа выдался очень тяжелым. Штурмовали фашистскую военно-морскую базу Лиепая (бывшая российская Либава), хорошо защищенную зенитками, а также многочисленной вражеской авиацией с расположенных рядом аэродромов. Когда насаждают немецкие истребители, то командир смотрит вперед, а штурман и стрелок-радист, стоя за пулеметами, прикрывают хвост. Идет страшный, изматывающий бой, когда противник буквально впивается в тебя и висит рядом. Михаил не отрываясь, старался поймать в прицел мелькнувший рядом хищный силуэт «фокке-вульфа».

- Командир, заходят слева!

Вот фашист вновь всплывает в перекрестье прицела, замер - сейчас откроет огонь.

- Командир, маневр!

«Пе-2» резко идет влево, затем через несколько секунд вновь ложится на прежний курс. Немецкий истребитель, не успев открыть огонь, проскочил мимо. В тот день на аэродром не вернулось несколько экипажей 12-го авиационного полка, многие машины получили боевые повреждения разной степени. Для Михаила и его товарищей «роковой» седьмой боевой вылет завершился удачно – что ж, как гласит верная примета, будут теперь бить фашистов до самого конца войны! Восьмой боевой вылет тоже был успешным.

Утром 16 сентября 1944 года полк В.И. Ракова в полном составе, под прикрытием истребителей, вновь вылетел штурмовать Либаву. Для нанесения удара зашли с моря, и вскоре на горизонте появилось обширное полукружье каменного мола с находящимися внутри черточками причалов. Немцы атаки явно не ожидали – в порту шли оживленные погрузочно-разгрузочные работы, в бухте на якорю и у причалов находилось много кораблей. Для застигнутых врасплох фашистов наступил ад – восемьдесят советских бомбардировщиков, волна за волной, обрушивали на них свой смертоносный груз. Не отрываясь от прицела и не обращая внимания на вспыхивающие вокруг разрывы зенитных снарядов, Михаил докладывал командиру:

- Прямо по курсу у причальной стенки подводная лодка, ложимся на боевой курс!

Томительно тянутся секунды, когда нельзя маневрировать, отвернуть в сторону, уклоняясь от огня.

- Пошел!

Самолет бросается в пике, удерживая в прицеле черную тушу подводной лодки со свастикой на рубке. Секунда, вторая, и нажатием боевой кнопки бомбы срываются с замков, а облегченный «петляков» взмывает вверх. На месте, где только что была подводная лодка, все набухает дымом и огнем, кажется, полыхает само море. Это тебе, фашистская нечисть, расплата за наших погибших товарищей, за мои сожженные Калинковичи...

Немецкие зенитки вдруг разом смолкли, чтобы не поразить своих, подоспевших к месту боя истребителей. «Петляковы», «яки» и «фокке-вульфы» сплелись над Либавой в гигантский, прошиваемый во всех направлениях огненными трассами, ком, из которого время от времени, задымив, вываливались подбитые машины. Михаил и Александр отбивали одну атаку за другой, треск их пулеметов почти не стихал. Подскочивший сбоку фашист разбил пулеметной очередью часть остекления кабины, но, получив ответную очередь по своему корпусу, отвалил в сторону и задымил. Тут же на раненый «Пе-2» с разных сторон навалилось сразу несколько «ФВ-190». Смолк пулемет стрелка-радиста и краем глаза Михаил заметил, как тот молча оседает на пол с расплзающимся по комбинезону огромным кровавым пятном.

- Атака сверху, снизу, справа! Командир, маневр! – кричит штурман.

Обливаясь текущей из-под шлема кровью, Андрей слабеющими руками, из последних сил пытается отжать ставший вдруг непослушным и тяжелым штурвал. Вновь с разных сторон хлещут по дымящей советской машине свинцовые струи, с треском разлетаются остатки фонаря пилотской кабины. От сильной боли в груди прервалось дыхание, перед глазами Михаила поплыли огненные круги. Последним, что он успел заметить, была стремительно приближавшаяся серая гладь моря...

В Калинковичи «похоронка» на сына и брата пришла в конце 1944 года. Потом, уже после Победы, было матери горькое известие из Жмеринки, что на фронте погиб Иван, и с Дальнего Востока – что в бою с японцами погиб Владимир. Несколько месяцев спустя из военкомата пришло уведомление, что Андрей пропал на фронте без вести в августе 1941 года.

Почти десять лет после окончания войны мать и сестра погибших на фронте воинов по-прежнему жили в землянке возле своего

бывшего дома на улице Советской. Весной 1955 года сосед-железнодорожник принес им газету «Известия», где на первой странице был портрет маршала Г.К. Жукова и указ о назначении его Министром обороны СССР.

- А что, Евдокия Дмитриевна, не он ли тот самый командир эскадрона, что с твоим Адамом сенокосы выбирал, и нас, детей, бывало, на своем коне возил? Может, не забыл, напишем ему письмо, чтобы дом вернули?

Письмо было отправлено, а летом приехала разбираться по нему из Москвы специальная комиссия во главе с генералом. 10 ноября 1955 года Председатель Совмина БССР К.Т. Мазуров подписал правительственное распоряжение № 1366-р. «Разрешить Калининковскому райисполкому – говорилось в нем – возратить в виде исключения в личную собственность матери погибших в период Отечественной войны четырех сыновей гражданке Ясковец Е.Д. жилой деревянный дом площадью 56 кв. метров по ул. Советской в г. Калининвичах муниципализированный в 1930 году». Две недели спустя назначенная Калининковским горсоветом комиссия передала дом его хозяйке, а жившие там люди получили новое жилье.

Евдокия Дмитриевна ушла из жизни в 1962 году и была похоронена на старом калинковичском кладбище рядом с мужем. Где находятся могилы ее погибших в боях за Родину сыновей – неизвестно. 27 мая 1978 года в латвийском городе Лиепая состоялось торжественное открытие величественного мемориала погибшим летчикам-балтийцам. Среди присутствовавших находились дважды Герой Советского Союза полковник В.И. Раков и другие ветераны 12-го авиационного полка. Со всех уголков тогда еще единой страны приехали сюда родные и близкие погибших воинов, в их числе – Валентина Адамовна Чернецкая (Ясковец) с дочерью Эммой Иосифовной, школьной учительницей. Под звуки военного оркестра с каменного обелиска спадает покрывало, открыв отлитые в бронзе имена семидесяти героев, погибших в небе Лиепаи. В конце списка значится – «гвардии младший лейтенант Ясковец М.А., 1918 г.р.».

В 2008 году одна из новых застроек на южной окраине города Калининвичи получила название «Улица братьев Ясковцов». Когда-нибудь там появится мемориальная гранитная доска с рельефными фигурами четырех ладный парней в военной форме и их старенькой матери, держащей извещения-«похоронки» в руках.